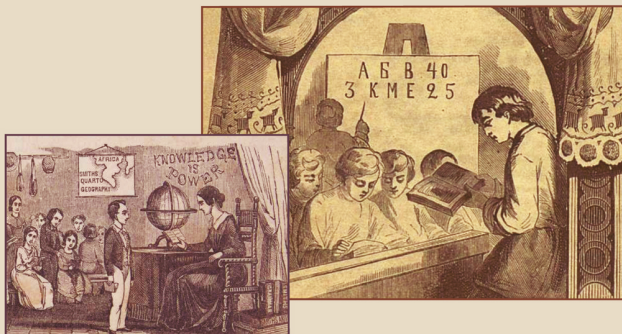

Виталий Безрогов, Юлия Артёмова,
Елена Никулина, Мария Тендрякова

«Детский мир» УШИНСКОГО

И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

*диалог
дидактических
культур*

**М. Ф. Тендрякова
В. Г. Безрогов
Юлия Александровна Артемова
Елена Николаевна Никулина
«Детский мир» Ушинского
и западноевропейская
учебная литература. Диалог
дидактических культур
Серия «Школа для
каждого — школа для всех»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63575357

*«Детский мир» Ушинского и западноевропейская учебная литература:
диалог дидактических культур / под ред. М.В. Тендряковой:
Образовательные проекты; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-98368-150-7*

Аннотация

В оригинале раздел называется «Mental Culture». С учётом широкого тематического разнообразия очерков этого раздела в разных томах адекватное соответствие этому названию на

русском языке подобрать сложно. В одном из томов очерки посвящены описанию органов чувств и их работе, что, казалось бы, ставит под сомнение уместность дословного перевода слова «culture» как «культура». В то же время, автора интересуют органы восприятия именно в качестве инструментов познания окружающего мира, причём познания, субъект которого – культурное существо. К тому же в других очерках речь идёт непосредственно о стратегиях и приёмах обретения знаний о действительности, поэтому мы сочли возможным остановиться на переводе «Культура познания».

Предлагаемая книга берёт за отправную точку исследования «Детский мир» К.Д. Ушинского и разворачивает широкую панораму учебной литературы конца XVIII–XIX веков, «озвучивает» многоголосый диалог учителей и наставников, разных школ, поколений и стран. Авторы исследуют, как во взаимодействии с западноевропейской учебной литературой создавались наиболее известные отечественные учебники для начального обучения. Прежде всего, речь идёт об учебниках К.Д. Ушинского «Детский мир» и «Родное слово», о том, как отразили эти пособия творческие контакты России с педагогами других стран во второй половине XIX – начале XX вв., что принималось Ушинским в работах немецких, австрийских и английских авторов, а что отвергалось или трансформировалось им.

Универсальные принципы европейской начальной школы предстают в многообразии культурных вариантов и в лицах выдающихся педагогов, отражая не только социальные и этнокультурные различия, но и личностные позиции и системы приоритетов классиков образования.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	9
Часть I	24
Глава 1	25
«Обо всём и о разном»	25
Принципы построения	33
Под надзором критики	39
К истокам названия	44
Первое знакомство с детским миром	47
Времена детства	50
В итоге: становясь людьми, покидаем детство	53
Литература	55
Глава 2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Виталий Безрогов, Юлия
Артёмова, Елена Никулина,
Мария Тендрякова
Детский мир» Ушинского
и западноевропейская
учебная литература: диалог
дидактических культур**

Рецензенты: канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотр. Института этнологии и антропологии РАН *М.К. Любарт*; д-р пед. наук, проф., декан факультета искусств, социальных и гуманитарных наук Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого *Е.Ю. Ромашина*.

*Монография подготовлена при поддержке гранта
ОГОН РФФИ 17-06-00066а*

© Безрогов В.Г., Артёмова Ю.А., Никулина Е.Н., Тендрякова М.В., 2020

© Тендрякова М.В., ред., 2020

© ООО “Образовательные проекты“, 2020

Вся часть I,
главы 1, 2, 4, 5 части II,
а также главы 1, 2, 4, 5 части IV
написаны В.Г. Безрозовым
при участии М.В. Тендряковой.

Вся часть III и глава 2 части IV
написаны Ю.А. Артёмовой.

Глава 3 части II
написана Е.Н. Никулиной и В. Г. Безрозовым.

Эта книга была задумана Виталием Григорьевичем Безрозовым как один из этапов многолетнего исследования ис-

тории учебной литературы. Причём, никак не завершающих тему того, как и чему в разные исторические эпохи учили детей. Знакомство с каждым новым-старым учебником и его автором порождало у В.Г. Безрогова множество новых вопросов, открывало новые грани исследования: какая картина мира формировалась в головах учеников? Какими хотели их видеть наставники? Какой багаж знаний давали с собой в дорогу? И как всё это сочеталось с общей историко-политической ситуацией?... Исследование должно было продолжаться ещё многие-многие годы... Наверно так и будет, с его лёгкой руки, его вдохновением – Виталий Григорьевич успел вовлечь в сферу истории педагогики многих исследователей разных поколений, но это будет уже без его прямого участия и не под его руководством.

В.Г. Безрогов – главный соавтор этой коллективной монографии. Он очерчивал круг анализируемой учебной литературы, собирал материалы и писал совместно с нами статьи, предложил для обсуждения план будущей книги, вот только завершить работу над нею не успел.

Необычное сочетание: эта книга выходит в свет за авторством В.Г. Безрогова, и становится посвящением его – Виталия Безрогова – светлой памяти.

Введение

Диалог на поле восхищения и брани: иностранные источники учебников К.Д. Ушинского

*В общество мало-помалу проникло сознание —
не пользы науки, а неизбежности её.*
Николай Помяловский «Очерки бурсы»

Отечественная история педагогики часто склонна говорить о «месте Ушинского в российской и мировой педагогике», об отрицании им европейской образовательной практики и теории¹. Иногда даже путают исторический феномен К.Д. Ушинского с его феноменальностью². На порядок меньше уделяется внимание значительному и значимому месту

¹ Белозерцев Е.П., Менишиков В.М. Место Ушинского в российской и мировой педагогике // К.Д. Ушинский и русская школа. Беседы о великом педагоге / Под ред. Е.П.Белозерцева. М., 1994. С.176–84; Гончаров И.Ф. К.Д. Ушинский и русская национальная школа // Universum: Вестник Герценовского университета. 2009. № 3. С. 69–79; Днепров Э.Д. Учебные книги К.Д. Ушинского – нравственная и педагогическая основа русской начальной школы // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета РАО. Вып.5: Педагогическая антропология и история образования. М., 2001. С. 95–59.

² Паладьев С.Л. Феномен педагогического наследия К.Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 8–3.

мировой педагогики в становлении самого Ушинского³. Тема влияния европейских дидактических традиций на создание русских школьных учебников, в том числе на «Родное слово» и «Детский мир», заслуживает серьёзного внимания. Представление об Ушинском как о лидере, который возглавил борьбу против влияния немецкой педагогики на нашу школу, распространённое среди советских авторов⁴, претерпевает существенные изменения по мере анализа европейских источников, с которыми он работал. Становится очевидным, что речь идёт не о борьбе или заимствованиях, а о диалоге дидактических традиций. За каждой стороной диалога стоят своя культура и свои представления о мире, с которым надо познакомить ребёнка, а также образ ребёнка и представление о том, как «преодолеть» детство и из маленького человека вылепить взрослого.

О продуктивности диалога как методологии порождения нового знания говорилось неоднократно (см. работы М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.С. Библера). Имеется в виду диалог в широком смысле слова, диалог как соединение мно-

³ Ellis A., Golz R., Mayrhofer W. The Education Systems of Germany and Other European Countries of the 19th Century in the View of American and Russian Classics: Horace Mann and Konstantin Ushinsky // International Dialogues on Education. 2014. Vol. 1, N. 1. P. 7–8.

⁴ Лихарева Т.А. К.Д. Ушинский – автор учебников по первоначальному обучению (анализ «Родного слова» и «Детского мира»): дис. ... канд. пед. наук. Киев, 1948. С.281; Кореневский Е.И. Объяснительное чтение в русской начальной школе. (1860–917). М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1950. (Известия Акад. Пед. наук РСФСР. Труды Ин-та методов обучения; Вып. 27).

гих голосов и наслаивание различных смыслов: «Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровения) или люди...»⁵. А также диалогичность самого существа культуры: культура как диалог между людьми, между поколениями, между многообразными коммуникативными системами и языками культуры⁶.

В нашем случае этот глобальный принцип диалогичности преломляется и реализуется в виде диалога авторов различных учебных пособий, диалога различных направлений и концепций образования и предстаёт в виде выбора учебных изданий для работы с ними российских педагогов, в виде переводов, адаптаций и появления отечественных пособий, создающихся в ходе такой работы.

В России вторую половину восемнадцатого столетия можно назвать «переводческим бумом» – на русский язык переводилось и издавалось множество иностранной литературы, включая учебные пособия. Первоисточники при этом указывались далеко не всегда. Необходимо особенно тщательное бинарное исследование каждого из контактов для воссо-

⁵ Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 281

⁶ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

здания в итоге многомерной картины взаимодействия реципиента с различными воспринимаемыми традициями и примерами. Был ли смысл переводов в интеграции и создании поля для беседы? Или, скорее, в осознании достижения возможности «говорить на языке большого общества и взрослой педагогики и науки», поскольку европейское мыслилось как образцовое. Или это был смысловой перевод, подразумевающий адаптацию к русскоязычному читателю? При этом в процессе диалога приоритеты менялись – подчас весьма кардинально. Прочитанное (=услышанное) и воспринятое применялось для утверждения своего как лучшей версии того, что приходило с переводами, в частности для утверждения национального характера образования, выстраиваемого под сенью и для нужд российской монархии.

В нашем исследовании, в центре внимания которого находятся пособия Ушинского, мы решили прежде всего сконцентрироваться на контактах российского мира учебной литературы с немецко-язычными и некоторыми англоязычными пособиями.

Взаимодействие русской и немецкой педагогических традиций уходит своими корнями в конец XVII века и начинается с работы над созданием учебников для освоения грамоты, с создания азбук, букварей, книг для чтения на родном языке.

В трёхвековом процессе взаимодействия дидактических

традиций можно выделить несколько последовательно сменявших друг друга стадий. Первая – перевод и подражание (конец XVII – вторая половина XVIII века). В этот период в российском обществе просыпается активный интерес к учебной литературе, переводится с нюрнбергского издания 1755 года и дважды издаётся (1768 и 1788) «Видимый мир» Я.А. Коменского⁷.

По мере того, как переводимые учебники адаптировали к российской аудитории, на смену точному переводу приходил пересказ. Тогда один немецкий прототип давал жизнь целому ряду самостоятельных учебных пособий.

Далее прямой перевод и пересказ уступают место диа-

⁷ Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г., Тендрякова М.В. Праздник встречи Петербурга и Берлина: к истории русско-немецких контактов в развитии учебников для начальной школы // Праздник и повседневность: эвристический потенциал детства: сборник научных трудов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 345–352. • Так, свободными переводами «Der deutsche Kinderfreund» Ф.Ф. Вильмсена или его частей являются: • «Чтение для умственного развития малолетних детей и обогащение их познаниями» Е. Гугеля (Санкт-Петербург, 1832), • «Начальное чтение для образующегося юношества» А.Ф. Вельтмана (Москва, 1837 [ценз. 1836]), • «Друг детей. Книга для первоначального чтения» П.П. Максимовича (Санкт-Петербург, 1839), • «Книга для чтения в пользу начинающих учиться русскому языку. Отделение первое» (Варшава, 1842), • «Первоначальное чтение» В. Золотова (Одесса, 1842), • «Первоначальное чтение» А.А. Чумикова (Санкт-Петербург, 1847), • «Первая книга для чтения после азбуки» К.А. Полевого (Санкт-Петербург, 1852). В большинстве указанных пособий ссылка на Вильмсена отсутствовала. См. Сенькина А.А. Книга для чтения как вид учебного пособия для начального обучения: вопрос типологии и истории издания (конец XVIII – первая половина XIX вв.): дис. ... канд. филол. наук СПб., 2010. С.44.

логу-дискуссии. Это было обусловлено влиянием немецкого романтизма, поэтизацией в немецкой философско-педагогической культуре и в учебниках родного края, народа и страны. Зарождавшееся после 1812 года российское национальное самосознание восприняло немецкий национал-романтизм за основу своего, сформировавшегося во внешнем скрытом или явном отталкивании от собственного идейного и ментального источника.

Первые отечественные учебники формируются в содержательном диалоге с европейскими дидактами, но заявляются полностью самостоятельными. Вероятно, кульминацией третьего периода взаимодействия может считаться «Родное слово» К.Д. Ушинского, составленное на основе переработки австрийских и немецких учебных книг⁸.

Судьба пособий К.Д. Ушинского «Детский мир» (1-е изд. 1861 год) и «Родное слово» (1-е изд. 1864 год) весьма показательна. Если в первых четырёх изданиях «Детского мира» автор-составитель открыто признавался в любви к двенадцати иностранным пособиям, в том числе девяти немецким (см. Ч. I, Гл. I, 2), опираясь на которые он создал свой учебник по чтению и хрестоматию к нему, то начиная с 5-го издания (1864) он уже не упоминает ни одного из них, рав-

⁸ Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г., Тендрякова М.В. Праздник встречи Петербурга и Берлина: к истории русско-немецких контактов в развитии учебников для начальной школы // Праздник и повседневность: эвристический потенциал детства: сборник научных трудов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 345–35

но как и в появившемся в том же году букваре «Родное слово» (1-е изд. 1864 год) не говорит ни слова о его иностранных источниках.

При всём том именно с К.Д. Ушинского, его «Детского мира» и «Родного слова» начинается история учебников для начального образования, ориентирующихся на основы народной культуры. Поэтому они воспринимаются как национальное издание. К ним восходят истоки многих современных национальных учебников. С них начинается *педагогическая антропология* Ушинского, которая обращается не только к ученику, но и к учителю, заботится о его подготовке, кругозоре и его базовых знаниях прежде всего о человеке.

Настоящая монография – попытка всесторонне рассмотреть западноевропейские учебные издания, в диалоге с которыми Ушинским созданы собственные знаменитые учебники, и проследить истоки отдельных компонентов учебных пособий Ушинского.

Что было взято на вооружение Ушинским, а что отвергнуто?

Как была организована подача учебного материала в западноевропейских учебниках для начальной школы и в учебниках Ушинского?

Как адаптировались к российским реалиям содержание учебных материалов и форма его подачи?

«Детский мир» и «Родное слово» написаны за границей, куда в 1862 году Ушинского отправили для лечения и изучения школьного дела (по сути, в ссылку) после конфликта с руководством Смольного института благородных девиц, где он служил инспектором и успел ввести ряд прогрессивных преобразований в педагогический процесс. Однако вынужденный отъезд из России позволил Ушинскому воочию увидеть, как организован процесс школьного обучения во Франции, Бельгии, Италии, и в первую очередь, в Германии и Швейцарии и творчески осмыслить педагогический опыт этих стран.

Вслед за многими авторами западноевропейских учебных пособий, Хардером, Хюсом, Раффом, Ушинский развивал энциклопедически системное, научно-популярное направление учебной литературы, он делал ставку на позитивные знания, на естественные науки, считая, что это важнее для ребёнка, чем художественная литература, а тем более прямое нравовучение (см. Ч. II, Гл. 4, 5).

Монография включает четыре раздела. Первый посвящён **истории создания Ушинским «Детского мира»**. В статьях этого раздела рассматривается структура и основные принципы организации материала; выделяются основные прорабатываемые с учениками темы, а также основные немецко- и англоязычные учебные пособия, на которые ориентировался Ушинский. Над «Детским миром» Ушинский

продолжал свою работу много лет, изменяя и редактируя уже ставший известным и востребованным учебник. Проанализированы принципы построения первых двух изданий, показана эволюция этих принципов вплоть до 11-го, последнего при жизни автора, переиздания. Прослежено, как начиная со второго и по шестое издание «Детского мира» (1861–1865), идёт выработка оптимального стиля, размера, состава, последовательности текстов; меняются и сами тексты, добавляется фольклор, исторические сказания, меняется тональность повествования, становясь более доверительной. Показано, что само название «Детский мир» заимствовано из немецкоязычных изданий начала и первой половины XIX века (см. Ч. 1, Гл.1). Реконструирован список и восстановлены выходные данные всех указанных Ушинским 12-ти немецких и английских пособий, которые он упоминает в первом издании «Детского мира» (см. Ч. 1, Гл.2).

В разделе «Диалог с немецкими дидактами» рассматривается, как содержательно повлияли на пособия Ушинского основные немецкоязычные пособия, на которые он так или иначе опирался; анализируются основные темы, красной нитью идущие в учебной литературе того времени: представления о человеке, о вселенной, о Боге, о многообразии профессий, о правильных и неправильных поступках. Наконец, анализируется то, в какого рода текстах эти дидактические послы реализуются.

Учебник берлинского учителя Самюэля Людвига «Город-

ской друг» (1787) не входит в «список 12-ти» Ушинского. Тем не менее, сопоставление его с «Детским миром» наводит на мысль, что Ушинскому он мог быть знаком; в любом случае налицо следы знакомства с пособиями такого типа, как у С. Людвига. Свидетельством тому сходство построения разделов, связанных с «естественной историей» (Naturgeschichte, Naturkunde), а также с упражнениями на логику (см. Ч. II, Гл. 2).

Отдельное внимание уделяется теме aberrаций перевода европейской учебной литературы, так как перевод, особенно в сфере педагогики и воспитания молодого поколения – это всегда не столько перевод с одного языка на другой, сколько взаимодействие разных культур. Рассматриваются оригинальные и переводные издания таких авторов, как J. Blumenbach (1-е рус. изд. 1796), G. Große (1794), G. Raff (1785), а также учебные книги В. Зуева (1786), Н. Озерцовского и В. Севергина (1792–1794), С. Усова (1843), К. Ушинского (1861). Анализируется, как переводу-пересмыслению подвергается тема религии. Показано, что в зависимости от исторического момента российские издания уделяют религиозной атмосфере то больше внимания, то меньше, по сравнению с переводимыми немецкими пособиями, и как по-разному толкуется сакрализация власти, божественное предназначение, волевое начало в человеке и живых тварях (см. Ч. II, Гл. 2, 3).

Особый интерес представляет глава, посвящённая пере-

воду Ушинским известного в своё время пособия А. Дистервега «Der Unterricht in der Klein-Kinder-Schule». Название Ушинский переводит как «Начатки детского школьного учения». Современному русскоязычному читателю эта глава даёт возможность не только составить общее представление о взаимодействии учителя и ученика и содержании учебного процесса по Дистервегу, но и о тех изменениях, которые счёл необходимым внести в перевод Ушинский. Изменения эти коснулись не только структуры, но и самого замысла, лежащего в основе начального обучения. Кроме того, Ушинский пропустил религиозно-поэтический раздел пособия – «Упражнения для развития памяти и отклик на них ума и сердца». Здесь же описывается и частично приводится изъятое Ушинским содержание, даются примеры религиозных стихов и излагаются возможные причины такой редакции.

Анализ влияния немецкой дидактической культуры на «Детский мир» продолжается сопоставлением учебного процесса, отбора материала, формы его подачи, а также и представлениями о позиции учителя и ученика у Г.Х. Раффа и у К.Д. Ушинского. Лёгкий разговорный стиль Раффа, когда ребёнок выступает почти что как равноправный собеседник, а автор пособия – как рассказчик-советчик, противопоставляется строгости Ушинского, который исключает диалоги и дискуссии как приём обучения. Учитель Раффа беседует с учениками, следует за их вопросами, увлекает путешествиями в неведомое, учитель же Ушинского радуется за «положи-

тельные знания» и стремится избежать развлекательности в учении.

В разделе **«Английский ужин: Константин Ушинский и британская педагогика»** рассматривается применение Ушинским опыта английских педагогов, прежде всего Эдварда Хьюса: сопоставляются подходы к организации и тематике обучающих текстов, особенности обращения к иллюстративному материалу, способы подачи материала, содержание и формат текстов, а также базовые этико-идеологические и мировоззренческие установки педагогов. Аналитическое сопоставление избранных для изучения учебных книг невозможно без более или менее обстоятельного изложения их содержания. Именно оно даёт представление о дидактических приёмах и возможность прочувствовать сам дух педагогических практик, моделируемых британскими и российским авторами. Сопоставление британского и российского подходов подводит к вопросу: «Учебник для ребёнка или взрослого?» «Педагогические установки британской и российской школ в книгах для чтения», выработанные в XIX веке анализируются с позиций гуманистической психологии, в частности, транзактного анализа Эрика Берна, теорий Фредерика Перлза, Грегори Бейтсона.

В последнем разделе книги **«„Детский мир“ и другие миры российской педагогики»** показано, что диалог с западноевропейской учебной литературой вели и авторы других учебников: И.И. Паульсон, Н.А. Корф и даже Л.Н. Тол-

стой. Будучи современниками, они так или иначе вступали в полемику с Ушинским. Их пособия, их понимание сути педагогического процесса, их стиль взаимодействия с учащимися создавали разнообразные течения в отечественной педагогике. Так, Ушинский, развивавший энциклопедическое, научно-популярное направление учебной литературы для начального обучения словесности, противостоял не менее популярному в его время Паульсону, который в своих учебниках делал упор на художественную литературу и на тексты назидательно-морализаторской тематики. Классик мировой литературы Л.Н. Толстой выступает в качестве автора собственной «Азбуки» и книг для школьного чтения, создававшихся под влиянием и в диалоге с американскими учебными изданиями (до 1872 года), присланными в Ясную Поляну. Среди англоязычных учебных пособий, сохранившихся в библиотеке Ясной Поляны, выделены две группы учебников из серии пособий Чарльза Уолтона Сандерса (1805–1889) и Марция Уилсона (1813–1905), которые серьёзно повлияли на оформление замысла толстовских азбук. Толстой не следовал прямо американским образцам, и в отличие от большинства авторов учебников, он не был профессиональным педагогом, так что трудно сказать, что в большей мере отражают созданные им детские книги: диалог и спор дидактических установок и разных культур или личное мировоззрение писателя огромного масштаба. Большое внимание в этом разделе уделяется книгам друга и во мно-

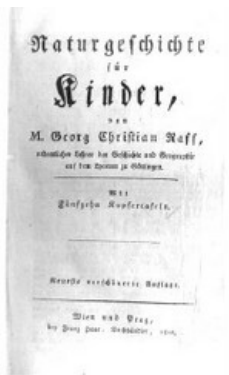
гом единомышленника Ушинского, барона Н.А. Корфа. Реконструируется полное библиографическое описание приведённого Корфом списка отечественных и зарубежных пособий, которыми он пользовался при составлении «Нашего друга». Анализируется то, как создавался Корфом специализированный учебник для сельских школ, как выстраивалась тематика пособия, как открывается мир за пределами деревенской жизни, какие новые для отечественной педагогики приёмы применяются. Особое внимание уделяется тому, как формируется представление о городе у деревенских детей, и как оно меняется при переиздании «Нашего друга»: от традиционного представления о доиндустриальном городе как центре сакральной власти в первых восьми изданиях (1871–1880) к городу как культурно-историческому центру, где сосредоточены торговля, образование и производство – в девятом издании (1881).

Предлагаемая читателям книга берёт за отправную точку исследования «Детский мир» К.Д. Ушинского и разворачивает широкую панораму учебной литературы конца XVIII–XIX веков, «озвучивает» многоголосый диалог учителей и наставников, разных школ, поколений и стран. Диалог дидактических культур отражает основные религиозные, политические и идеологические представления, царящие в обществах, перевод становится переосмыслением европейских педагогических традиций и путём построения своих. Универ-

*сальные принципы европейской начальной школы предста-
ют в многообразии культурных вариантов и в лицах выда-
ющихся педагогов, отражая не только социальные и этно-
культурные различия, но и личностные позиции и системы
приоритетов мэтров образования.*

Часть I

История создания К.Д. Ушинским «Детского мира»

ДЕТСКИЙ МІРЪ

И ХРИСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ КЪ ПОСЛУЖИВАНІЮ ЖУРНАЛЬНЫМЪ ЗАРЯДКЕНІЯМЪ И НАЧЕЛОВЪ
ЗНАКОМСТВО СЪ ПРЕДМѢТАМИ ПРИРОДЫ.

(Полное издание для школы или дома 8-ми и 12-ти томовъ).

Kurze
Geographie
von
Asia, Afrika, Amerika
und den

Глава 1

Ясный взгляд на детский мир: первые годы «Детского мира» Ушинского

Русский ученик чувствует себя в своей сфере, когда должен пустить в ход одну память, а мышление может оставаться в покое.

К. Д. Ушинский

«Обо всём и о разном»

Фигура К.Д. Ушинского, стоящего у истоков отечественной педагогики, за прошедшие два столетия обрела монументальные очертания великого классика и непреклонного авторитета. Мы же попытаемся представить «живого Ушинского» в контексте его времени, таким, каким он входил в диалог с читателем, учителем, родителем, учеником с первых страниц своего знаменитого впоследствии «Детского мира» – его одиннадцати прижизненных изданий. Детальное исследование всех переработок пособия, комплексные сопоставления с изданиями других авторов, имевшимися до, одновременно и после появления учебников Константина Дмитриевича, также остаются за пределами исследователь-

ских интересов данной работы, как и не входит в её задачу перечисление всех авторов, писавших на эту тему ранее: мы чрезвычайно признательны им всем (см. Кабашева 2014: 45–53).

В 1861 г. первое издание «Детского мира и Хрестоматии» появилось в издательстве «Общественная польза»⁹. Второе издание печаталось в том же 1861 году одновременно в двух местах – там же в «Общественной пользе» и в Санкт-Петербурге, где было опубликовано общественным деятелем и литератором Иосафатом Огрызко (1826–1890). Это второе петербургское издание «Детского мира и Хрестоматии» было взято для нашего исследования в качестве центрального.

Первая версия учебника мыслилась как педагогическое средство в руках учителей и родителей. «Детский мир и Хрестоматия» были изданы в одном томе объёмом свыше 560 страниц. Каждая статья сопровождалась объяснением её целей, сформулированным для взрослых. Это издание предназначалось, прежде всего, домашним и школьным учителям для проведения уроков с их подопечными. Кардинальным приближением к ученику стало только шестое издание 1865 г., которое, собственно, и положило начало истории «Детского мира» – такого, каким мы его обычно себе представляем. Ограничим же мы наше исследование изданием

⁹ Издательство «Общественная польза» издавало немало научно-популярных и просветительских изданий широкого естественнонаучного направления, затем, уже в 1880–1900-х гг., дополнившегося гуманитарными.

1871 г. – одиннадцатым, последним, над которым ещё мог работать сам Ушинский.

К моменту выхода пособия в свет в 1861 г. первенцу автора – сыну Павлу – шёл уже девятый год¹⁰. Вероятно, в процессе его домашнего обучения приходивший на дом учитель «обкатывал» и совершенствовал пособие, составленное отцом ученика. В это время Ушинский активно формирует и редактирует Журнал Министерства народного просвещения¹¹. Не проходит он и мимо вопросов о начальном школьном и домашнем обучении. В конце 1860 г. (уже, вероятно, во время набора в «Общественной пользе» первого издания своего «Детского мира») Ушинский помещает в журнале реферат В. Игнатовича на «Общедоступный справочник по педагогике для учителей начальной школы, образованных родителей и друзей школы» Игнаца Томаса Шерра (1801–1870), опубликованный в виде трёхтомника объёмом более полутора тысяч страниц в Цюрихе в 1839–1847 гг. (см. *Scherr 1839–1847*). В предисловии к реферату Ушинский отмечает большую потребность отойти от «преоблада-

¹⁰ В 1861 г. в семье появился пятый ребёнок – Владимир. Павел родился в 1852, Вера в 1855, Надежда в 1856, Константин в 1859. В 1867 – шестой и последний (Ольга).

¹¹ Журналистская работа, постоянные обзоры, переводы и рефераты, подготовливаемые для изданий «Ярославские губернские ведомости» (в 1848 г.), «Современник» (в 1852–1854 гг.), «Библиотека для чтения» (в 1854–1856 гг.), «Журнал Министерства народного просвещения» (в 1860–1861 гг.), оказали большое влияние на формирование стиля Ушинского.

ния механизма» в первоначальном школьном и домашнем обучении. Одной из серьёзнейших причин подобной механистичности он почему-то называет полное отсутствие и у учащихся, и у учителей «рациональных руководств к первоначальному обучению» (см. *Архив К.Д. Ушинского 1960 Т.2: 80*). Вероятно, именно таким руководством К.Д. Ушинский видел свой учебник «для классного чтения, приспособленный к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы», как будет обозначено на титуле «Детского мира». Первоначальное обучение закладывает первое «семя добра и зла», и Ушинский видит свою задачу не в теоретическом обременении учительства, а в подборе и предоставлении ему подобранного, систематизированного и привлекательно изложенного «готового научного материала», «расположенного в системе постепенности, изложенного по одной из тех метод, которых облегчительное действие и польза в первоначальном обучении признаны многолетним опытом искуснейших педагогов». Мы можем предполагать, что именно себя видел автор этих слов «уже взявшимся за труд подобного рода» (см. *Архив К.Д. Ушинского 1960, Т. 2: 81–82*).

В воспоминаниях о собственных гимназических годах Ушинский пишет о важности учебника, осознавая свою задачу ещё и на основе собственного ученического опыта: «Учение далеко не достигало той полноты подготовительных сведений, которой можно и должно требовать от гимна-

зии. Мы узнавали только кое-что то из той, то из другой науки; но любили и уважали то, что узнавали, и это уже было много. Плохие тощие учебники и отсутствие всяких педагогических сведений в преподавателях всего более были причиной такой неполноты сведений, потому что при хорошем учебнике и благоразумной методе и посредственный преподаватель может быть хорошим, а без того и другого и лучший преподаватель с такими редкими способностями и таким рвением к делу, которые трудно предположить в человеке, ограничившемся скромною учительскою карьерою и скудным учительским жалованьем, долго, а может быть и никогда, не выйдет на настоящую работу» (см. *Собрание сочинений К. Д. Ушинского 1952: 45–58*).

Важным подспорьем стало знакомство с образовательными системами и начальными школьными руководствами в других странах, особенно в Германии и Англии. Среди книг, на основе которых был составлен «Детский мир», Ушинский не указал ни одной из имевшихся на тот момент отечественных книг для чтения, но перечислил 12 различных пособий немецких и английских авторов (см. *Ч. I, Гл. 2*). Автор-составитель таким образом заявил, что прежде всего именно под их влиянием сформировалось у него представление о чтении на третьем и четвёртом году школьного обучения, охватывающем не столько художественную литературу, сколько естествознание, географию, историю с биографиями. Представление о чтении, возводящем ученика от «физической приро-

ды» к «духовной природе», то есть о чтении просвещающем, чтении энциклопедическом, «сообщающем много фактических сведений» и через популяризацию науки приготавливающим к поприщу избранного предназначения (см. *Архив К. Д. Ушинского 1959, Т.1: 343–344; Днепров 2008*).

В статье «Народные школы в Соединённых королевствах Великобритании и Ирландии» (1861) мы видим формирование такого взгляда на горизонт чтения: «Для обучения чтению употребляются читательные таблицы, буквари и классные книги для чтения, содержащие в себе биографические и исторические отрывки... В большей части школ обучение чтению менее успешно, чем обучение другим предметам, и идёт вообще лучше у девочек, чем у мальчиков. Инспектора часто жалуются, что ученики не понимают того, что читают и заучивают наизусть, особенно по географии и истории, но и в этом отношении в последнее время сделано много улучшений... В некоторых из них введена система детских садов Фребеля; успехи детей в таких школах изумительны: до семилетнего возраста дети успевают выучиться в них чтению, отчасти письму и нумерации, пению и приобретают некоторые сведения из естествознания и библейской истории» (см. *Архив К. Д. Ушинского... Т. 1.: 165, 167–168*). Последние слова из цитаты прямо отсылают нас к работам Эдуарда Хьюса 1840–1850-х гг., чью серию энциклопедических учебных книг для элементарного чтения Ушинский использует в подготовке «Детского мира». Идея книги для чтения как набо-

ра элементарных, базовых знаний о мире, опираясь на которые можно затем проследовать в любую из сокровищниц знания, была воспринята Ушинским с большим энтузиазмом. Английская идея общей образованности как мозаики элементарных знаний в самых различных областях, оказала существенное влияние на архитектуру учебника Ушинского. Вопрос о «необходимых знаниях» для детей 8–12 лет решался им в пользу вариативности и пестроты, черпаемой у природы. Наличие элементов общего образования уже в начальной школе должно было облегчить практику жизни – как в случае завершения, так и продления образования на среднем уровне. «Большая точность и ясность изложения» учебников для двух первых лет гимназического (лицейского) обучения отмечена Ушинским «неоспоримой заслугой» французских пособий (см. *Архив К. Д. Ушинского... Т. 1.: 317*). Французский же опыт выработал у Ушинского или подтвердил сложившееся в детстве стойкое неприятие учебников по чтению, состоящих только из художественных произведений: «Во Франции не употребляют пёстрых хрестоматий и в каждом классе читают целые сочинения или большие отрывки классических авторов с надлежащими объяснениями. Последнее обстоятельство особенно важно; чтение в школе целых классических сочинений делает их общественным достоянием и служит не только к усовершенствованию языка, но и к развитию вкуса и умственных способностей учеников» (*Там же. С. 320*). Интересно, что в «Письмах о вос-

питании наследника русского престола», написанных в 1859 – начале 1860 г., Ушинский отрицает саму необходимость французского и немецкого влияний на воспитание, по крайней мере на воспитание самого главного россиянина.

Большое влияние на Ушинского оказала сама журналистская практика, особенно обзоры иностранной периодики для «Современника» и «Библиотеки для чтения», делавшиеся в 1852–1856 гг. Умение отобрать материал, аранжировать его, изложить «интересные подробности» «увлекательно и общепонятно», передавая читателям свою порывистость и широкий интерес к миру, – такие качества очень помогли Ушинскому найти себя в работе над созданием учебников (см. *Иностранные известия 1854 г. // Архив К.Д. Ушинского... Т. 4.: 161*)¹². Любовь к написанию небольших текстов «обо всём и о разном», умение расположить их оптимальным образом, вызвать доверие и соучастие читателей обусловили положительные черты его пособий. И если рассказы о разных природных явлениях и достижениях человеческого разума и воли не всегда могли нравиться взрослым читателям русских журналов, то детям подобные повествования и объяснения, украшенные поэтизированным отношением к науке о природе, нравились, по-видимому, гораздо больше. Учителям, родителям и детям импонировала увлечённость

¹² См.: *Иностранные известия 1854 г. // Архив К. Д. Ушинского... Т. 4. С. 161: «Журнал, издаваемый Диккенсом, входит по этому предмету в такие интересные подробности и излагает их так увлекательно и общепонятно, что мы считаем необходимым передать их нашим читателям».*

составителя передачей знаний¹³. На фоне вполне ещё живой традиционной книжной грамоты, получаемой через азбуку, часослов и псалтырь, и европейского морального воспитания просветительно-сентиментального рода, «реальное пособие» с опорой на национальное самосознание имело большие шансы на успех.

Принципы построения

Концепция «Детского мира» исходила первоначально из того, что поступившие в гимназию или в предшествовавшее ей уездное училище дети, вне зависимости от пола, получают собранные в книге материалы и тексты из рук объясняющего их учителя; получают именно с его помощью как «сеятеля» и транслятора базовых знаний. «Объяснение» – ключевое слово, которое использует Ушинский в методических пояснениях для определения характера действий учителя, применявшего пособие. Самостоятельная работа ученика с «Детским миром» без наставника не предполагалась.

Стиль научно-популярных статей «Детского мира» – это

¹³ Ср.: «Одна умная лекция, дающая несколько плодovitых мыслей или, по крайней мере, несколько плодovitых вопросов, лучше многих десятков новостей, из которых ни одна не удержится в памяти более одного дня» – так в 1854 г. обосновывал Ушинский методику своих обзоров заграничных журналов и выбор обозреваемых изданий и добавлял свою оценку привлекательности научно-просветительской деятельности: «Мы твёрдо убеждены, что современная наука во всех своих отраслях достигла той ступени, на которой результаты её делаются занимательными для всех» (Там же. С. 172, 192).

как бы стиль речи профессора-пенсионера, удалившегося от университетских курсов на покой, который понятным, прозрачным, чётким, выработанным за долгие годы работы с учениками языком рассказывает о мире, человеке и их Творце своей внучке или внуку. Он хочет живо и в то же время систематически полно повествовать о божественном храме природы своему отпрыску, забывая иногда, зачем тому знать, скажем, какие суставы на пальцах ног птицы кобчика. Мы видим деление на детское/взрослое с точки зрения полноты-краткости-живописности. Текст для ребёнка – это облегчённый, начальный вариант текста для взрослого. Поэтому Ушинским даются облегчённые тематические очерки, которые пронизаны ясной энциклопедической логикой, знанием внутренней системной классификации того, о чём идёт речь. Под «детским» миром автор пособия мыслит то содержание образования, ту системную картину мира, которая развёртывается перед учениками их наставником либо наставницею, организующими «систематическое» чтение «Детского мира» и объяснение прочитанного.

Ушинский применил хорошо разработанный, прозрачно и чётко иерархизированный словник обсуждаемых в учебнике понятий, проводя линию от частных, конкретных предметов/явлений к общей их классификации и взаимоотношению. Основой всего здания стал конкретный очерк, например о той или иной птице, её характере, повадках, образе жизни, пище. Рассказ строится по назывному принци-

пу, когда на одном или нескольких предметах показываются особенности типа или класса явлений. Каждый текст посвящён одному предмету, явлению, событию. Затем к детальным описаниям приводились краткие аналогии, указывалось, к какому отряду и семейству относится данная порода и почему. Затем шла ссылка, что, к примеру, все птицы – это животные, а все животные – организмы. Конкретный очерк – аналогии – общие черты 1 (в пределах отряда и семейства) – общие черты 2 (в пределах царства) – общие черты 3 (в пределах биосферы): такова схема построения учебного материала, которая в итоге давала ученику многоплановую и стереометрическую картину мира. К примеру, в очерках о конкретных животных идёт привязка к их родам, видам, семействам, царствам. Такая привязка потом служила Ушинскому для повторных вопросов на ту же тему и основанием для сведения всех данных в итоговые таблицы после изучения очередного раздела для его запоминания. Вопросы на сравнение-сопоставление нескольких разделов-типов ещё более систематизировали изученное («Почему камни нельзя назвать организмами?»)¹⁴.

¹⁴ Важность сопоставления сообщаемых о разных предметах сведений была осознана Ушинским ещё до начала работы над собственными учебниками, в период журналистской деятельности. Анонимная рецензия на пособие А.М. Бажанова (1820–1889) «Начальные основания ботаники» (М., 1853), которая была написана, по всей видимости, Ушинским, содержит такие слова: «Автор вырвал растение из среды царств природы, не указав на связь, существующую между ними; не указал значения растения в отношении к природе вообще и к человеку в частности. Он рассматривал анатомию растения, его органы, предпославши это».

Признаки предметов давались в логической связке объяснительного научно-популярного рассказа, написанного прекрасным, буквально завораживающим стилем. Такой рассказ был выдержан во взрослой логике, но подан чётким, прозрачным языком, понятным с первого раза и запоминающимся с третьего. «Взрослая» систематизация явлений мира, без скидок на возраст, описана наглядно, достоверно и потому, по-видимому, всё же достаточно легко воспринималась учениками в контексте учительских объяснений. В итоге работы с «Детским миром» в сознании ученика складывалась мозаика основных, базовых познаний, необходимая для «просто образованного человека». Прежде всего, о природе, человеке и школе, куда он теперь ходит. Составитель стремился добиться в учебнике равновесия между интересом к предмету и выработкой навыков познавательной работы ума и памяти. В силу приоритетов этих задач главным было, чтобы ученик читал и слушал, а учебный диалог и художественный рассказ отодвигались на второй план. Ушинский специально приучает ребёнка читать нехудожественные тексты (вероятно предполагалось, что чтение художественных текстов он уже освоил ранее дома) и развивает познавательный интерес, прежде всего, через и с помощью мастерских описаний природы в её системности и разнообразии, пронизан-

му лишь слабую характеристику жизни растения». Мы видим, как Ушинский в «Детском мире» стремится следовать принципам, сформулированным в этой рецензии, и пытается повествовать о жизни предметов в их связи с другими предметами и человеком.

ном мыслью Творца. Это подводит ребёнка к осознанию его «бытия-в-мире», к знанию и пониманию того, кто и как живёт в этом мире. «Детский мир» опирается не на диалог с материалом книги, а на «за мороженность» ученика учителем и текстом, читаемым с его помощью и объяснениями. Ушинский полагал, что такой более системный повествовательно-энциклопедический подход лучше отвечает задачам начального обучения в гимназиях, уездных училищах и подобных им заведениях (*Ср.: Об основных предметах первоначального образования... 1852: 283–312*).

Тексты о человеке, о животных, о других предметах должны были создавать систему представлений о мире. «Современные педагоги, – писал Ушинский в 1860 г., – справедливо отвергают»... мнение Локка о том, что «наука должна составлять род забавы для ребёнка...» (*Там же: 82; Локк 1988 Т. 3: 449, 466, 502–503, 527, 546–547*). Воспитание любви «не к забаве» составляет заботу молодого автора «Детского мира». Учёба для него – серьёзное дело, а не развлечение. Не обучение с опорой на антропологические знания о ребёнке и человеке вообще, а научное содержание начального образования пока что более всего беспокоит Ушинского. Познавать должно быть интересно, но познание, с его точки зрения, не праздник и не игра. Хотя до начала работы над «Психологическими монографиями» и «Педагогической антропологией» должно было пройти ещё несколько лет, но рефераты, которые редактирует и публикует Ушинский в 1860–1861 гг.

в «Журнале Министерства народного просвещения», уже затрагивали те западные педагогические сочинения, в которых одной из центральных являлась мысль об образовании как мостике между пониманием физического и духовного, опирающемся на антропологию и психологию (см., например, *Schmidt 1857*)¹⁵. Однако, высказывая в 1860 г. солидарность с К. Шмидтом в представлении о пагубности «исключительного и одностороннего изучения природы», Ушинский в то же самое время готовит учебник, почти полностью опирающийся (в его терминологии) «на предметы естественной истории» вместо упора на «общественные отношения», «сцены из детской жизни», «отрывки из путешествий», «исторические рассказы», которые он в предисловии к первому изданию начисто отменяет как по разным причинам негодные для начального детского чтения. Позже он всё же включит в «Детский мир» исторические рассказы, отрывки из путешествий и фольклор, увеличивая объём такого материала от переиздания к переизданию.

Вероятно, именно отношения с миром природы поначалу мыслились Ушинским базовыми для обучения и воспитания ребёнка (см. *Архив К. Д. Ушинского 1960, Т.2: 22; Ушин-*

¹⁵ В современной историко-педагогической литературе нередко именно Ушинский предстаёт «одним из первых компаративистов», при этом забывают о деятельности Е.О. Гугеля, А.Г. Ободовского, П.Г. Редкина, Н.Х. Весселя и других предшествовавших ему авторов, изучавших и сопоставлявших западноевропейский и российский опыт (см. Батюкова 2010: 192–197).

ский 1861, Т.1: 4–5)¹⁶. Поэтому первое издание «Детского мира» – это систематизированное пособие, выстроенное в строго последовательном природоведческом ключе. Восемь разделов шли друг за другом: «Наглядные рассказы и описания. О человеке. О животных. О растениях. Тела неорганические. Естественные явления. Взгляд за пределы детского мира. Первые уроки логики». Правда, Хрестоматия при пособии всё же включала художественные и исторические повествования: «Стихи. Басни. Образцы слога лучших русских писателей. Отрывки из истории России». Чтение «Детского мира» вырабатывало логику мышления («развитие ума» и «логическую мысль»), чтение хрестоматии давало «поэзию выражения» «плавного и изящного». Учебник предназначался для первых четырёх классов гимназий и уездных училищ, т. е. детям 8–12 лет. Его подготовка пришлась на время активного обсуждения в российском обществе педагогических вопросов (см. *Ромашина 2011: 95–97*).

Под надзором критики

Отзывы об обучении по первой версии учебника привели К.Д. Ушинского к кардинальной смене концепции и струк-

¹⁶ Здесь мы видим явную перекличку с воззрениями М.С. Хотинского (1813–1866), сформулированными В.Я. Струминским таким образом: «Логика природы есть самая понятная и самая полезная логика для детей» (комм. к ст. М. Хотинского «Новые русские книги по естествознанию» // Архив К. Д. Ушинского... Т. 1. С. 441).

туры учебной «книги для классного чтения». Это мы можем увидеть на материалах второго издания «Детского мира». Второе издание делится для удобства учеников на две части, каждая из которых снабжается своей собственной хрестоматией. В первой части мы теперь сразу попадаем в «детский мир», где дети в роще или в училище встречают времена года и размышляют о теле и душе растущего человека. И уже из этого *Kinderwelt*'а составитель отправляет читателя в миры животных (различного рода, начиная с позвоночных – бегущих, летающих, плавающих – и заканчивая беспозвоночными и простейшими), в миры растений, затем неорганических тел и процессов¹⁷. Вторая часть основного пособия посвящена географии, истории, снова некоторым природным явлениям и логике. Таким образом, мы и во втором издании

¹⁷ Защищая такую последовательность «от человека», Ушинский полемизировал, например, с мнением К. Шмидта, высказавшего (в работе «Гимназическая педагогика: естественные законы воспитания и обучения в гуманитарных и реальных гимназиях») мысль о том, что «преподавание естественной истории должно начинаться с растений». Возражая ему, Ушинский пишет в примечании от редактора: «Едва ли это так: нам кажется, напротив, что наглядное ознакомление дитяти с природой всего лучше начинать, обратив его внимание на его же собственное тело; тогда ребёнок входит ощутительно в мир организмов, только познавая то, что он сам чувствует» (см. Архив К. Д. Ушинского... Т. 2. С. 44). В дальнейшем в книгах для чтения тема природы нередко начиналась с человека, но в начальных пособиях по природоведению – наоборот. Постепенно и в книгах для чтения уберётся из первых разделов тема о строении человека и его способностях, но в составе пособий она останется, а первые познавательные рассказы повествуют об окружающем ребёнка мире либо об экзотических предметах и явлениях.

видим преобладание естественнонаучного подхода в обучении чтению при несколько большем внедрении географии и истории (которые в то время входили в учебную программу и в качестве отдельных учебных курсов: география в течение всех четырёх первых гимназических лет, история – начиная с третьего класса). Хрестоматия включает басни, рассказы и стихотворения в конце первой части пособия, а также стихотворения и прозу после второй части пособия.

Общий подход к обучению во втором издании «Детского мира» ориентируется уже не столько на чисто «научную систему» изложения (и не на самообразование учителя и его творческую переработку на практике предложенного «научным учебником» материала), сколько на ученика и «порядок классного чтения». (*Ушинский К.Д., Детский мир и хрестоматия. 2-е изд. Ч. 2. СПб., 1861. С. I; далее: Детский мир, первая цифра номер части, вторая – страницы*).

Теперь статьи «размещены почти в том порядке, в котором они должны читаться в классе, так как мы слышали от многих, что размещение их в научной системе затрудняло при преподавании» (*см. Детский мир Ч. 1, XIII–XIV*). Язык статей приобретает полухудожественные черты и облегчённую научно-популярную лексику в стиле бытоописательных рассказов об устройстве мира и его освоении.

Со второго по шестое издание учебника (1861–1865) идёт выработка оптимального стиля, размера, состава, последовательности текстов, которые далее по преимуществу сохра-

няются, хотя пособие претерпевает изменения и в последующих переизданиях. Рассказы упрощаются и сокращаются за счёт деталей в целях достижения прозрачности, идеальной позитивности изложения (снимается критика населения городов, бедности сёл), происходит усиление «народности»: добавляются фольклор, исторические сказания. При этом составителем вырабатывается особая доверительность в речи рассказчика историй. Совершенствуется изначально принятый Ушинским душевный подход к учебному нарративу, когда слушатель или читатель нередко ощущает себя как бы соучастующим с автором в его рассказе и в тех действиях, о которых идёт речь. Ученик заворожённо слушает повествование, в общем-то, об отнюдь не детских вещах, но за счёт соучастия рассказ становится для него интересным. Даже нечастые итоговые задания, появившиеся с шестого издания, работают в этом направлении («В куньем роду мы узнали следующие виды...» – см. *Детский мир и хрестоматия*, 11-е изд., 1871. Т. 1. С. 63). В общих чертах структура пособия, отработанная к шестому изданию, сохранится во всех прижизненных изданиях книги, при уже непринципиальных мелких доработках. С издания 1865 г., кардинально переработанного, формат книги также становится более удобным для ношения её в ученических ранцах и сумках. Вообще говоря, именно версия шестого издания приобретает оптимальный вид для широкого распространения и популярности. Особенно впечатляет объединение пяти есте-

ственна научных разделов (II–VI) первой части в один – «О природе» и добавление раздела «Первое знакомство с родной». «Структура шесть» – одна из вероятных причин дальнейшей популярности этой учебной книги, ставшей продолжением «Родного слова», появившегося в 1864 г.¹⁸

¹⁸ От издания к изданию расширялось и трансформировалось официальное поле для распространения «Детского мира» Ушинского. Сначала он заявлен «допущенным к употреблению в первых четырёх классах гимназий и в уездных училищах», 4-е изд. 1863 г. уже аттестует его допущенным для «употребления в первых четырёх классах гимназий и уездных училищах, а также в женских учебных заведениях, подведомственных IV Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии»; в 5-м изд. 1864 г. женские заведения заменены общей рекомендацией книги IV Отделением, примыкающей к министерскому грифу: «Допущена к употреблению в первых четырёх классах гимназий и уездных училищах, а также рекомендована Учебным Комитетом, состоящим при IV Отделении Собственной Его Величества Канцелярии “как прекрасное учебное руководство для низших классов”». Правда, вторая книга пособия в 5-м издании величалась только «допущенной к употреблению в низших классах гимназий и уездных училищах», но в 6-м издании развёрнутая рекомендация пособия как «прекрасного руководства» уже снова восстановлена на оба тома. После лишения в 1867 г. «грифа» Министерства народного просвещения и последующей сразу за этим поддержки со стороны Военного министерства (с 8-го (1868) по 11-е (1871, последнее прижизненное) все издания «Детского мира» имеют два грифа – военный и со стороны администрации императора: «Принята в руководство (Допущена к употреблению, 9-е и 11-е изд.) в военных гимназиях и училищах; а также рекомендована Учебным Комитетом, состоящим при IV Отделении Собственной Его Величества Канцелярии “как прекрасное учебное руководство для низших классов”».

К истокам названия

Переработки второго и шестого изданий, связанные с желанием приблизить книгу к «миру детей», послужили идейным и частично содержательным оправданием выбранного названия «Детский мир», закрепив его за пособием на долгие годы. Такое название до К.Д. Ушинского не фигурировало в российской учебной литературе. Мы встречаем «Детского друга» и «Друга детей», «Детскую учебную книжку» и «Хрестоматию для детей», «Первые уроки для детей» и «Мир Божий» (см. *Сенькина 2009: 187–191*). Название было, по-видимому, взято из немецкой традиции, в которой оно уже в начале XIX в. считалось вполне обычным для детских книг и пособий. Так, в Россию попадали сочинения Фридриха Адольфа Круммахера (1767–1845) и читались как на немецком языке, так и в переводах. На русском языке собрания переводов из Круммахера носили такие названия, как «Подарок милым детям обоего пола на новый 1822 г., или Собрание поучительных повестей» (1822), «Избранные притчи» (1835, 1858, 1862), «Нравоучительные повести» (1835, 1839, 1850), «Притчи и повести» (1843).

Одно из оригинальных изданий Круммахера, вышедшее впервые в 1806 г. и затем повторенное в 1809 г., имело титул «Die Kinderwelt. Gedicht in vier Gesängen» («Детский мир: поэма в четырёх песнях»). В нём после поэтического проло-

га-обращения автора – 70-летнего деда – к 7-летнему внуку в четырёх объёмных «песнях» живописалась жизнь детей на природе в течение года, поделённого на сезоны. Автор показывал вечное рождение и существование человеческой культуры через поддерживаемое самой природой детское существование, служащее опорой мирозданию.

Ещё до Кrumмахера, в 1801 г., появилось пособие Георга Карла Клаудиуса «Детский мир для малышей (Kleine Kinderwelt), или Новая книга для чтения ради начального воспитания»¹⁹. В 1800–1840-х гг. понятие «Kinderwelt» стало общеприменимым для многих смысловых областей и контекстов. Детством любуются, детство воспевают, им умиляются, над ним добродушно посмеиваются как бы с пониманием превосходства детства над взрослостью даже в случае нехватки у ребёнка каких-то навыков либо сноровки. Временами выходят ежегодные календари и другая периодика «für die deutsche Kinderwelt» (*Glatz 1809; Die Kinderwelt... 1818; Köhnke 1834; Berger 1839; Wander 1845; Scholz 1846; Taubert 1846–1853; Hoffmann von Fallersleben, August Heinrich 1853; и др.*).

¹⁹ Kleine Kinderwelt oder neues Lesebuch zur ersten Bildung des gesunden Menschen verstandes... / [Verf.: George Carl Claudius]. Leipzig, 1801 (переизд. 1805: G. C. Claudius' kleine Erzählungen aus der Kinderwelt zur ersten Bildung des Verstandes und Herzens; и др.); издание представляло собой переработанный однотомник: [Claudius G.C.]: Kleine Kinderwelt oder neues Lesebuch zur ersten Bildung des gesunden Menschen verstandes. Für das Alter von 5 bis 8 Jahren. Leipzig, 1796.

В Россию умиление детством приходит после войны 1812 г., но понятия «детский мир» в названиях книжных «подарков для малых деток» всё же до Ушинского не возникает. К.Д. Ушинский выступает в данном случае первопроходцем. Как педагог, он не включает «развлекательные смыслы игры и забавы» в понимание «детского мира», осмысляя *Kinderwelt* отнюдь не добродушно, по-романтически возвышенно или с юмором, как это происходило на тот момент в немецкоговорящих странах, откуда он постоянно черпал для себя как педагога различные сведения. Для Ушинского, человека эпохи «реализма», «Детский мир» становится наряду с природой тем кумулятивным средством, назначение и роль которого – подталкивать детей к «прилежной учёбе» и выходу из детства. *Kinderwelt* воспринят российским автором на фоне дидактической и назидательной литературы той же Германии как *Kinderzucht*, «детские манеры» или «детские приличия», которые становятся своего рода *Kindermodel*, ведущей напрямую к воспитанности и социализированности. В Германии такой дискурс детства в XVIII столетии находил отражение не только в учебниках и трактатах о воспитании, но и в художественной литературе, назидательных стихах, рассказах, в драматургии (см. *Die verbesserte Kinderzucht... 1797*).

Российский *Kinderwelt* Ушинского начинается с похода в школу уже не столь малых и неразумных детей, каких мы

видим в немецких изданиях XIX в., а детей, которых можно убедить оставить всё детское за пределами предлагаемого им учебника и взглянуть на мир по-серьёзному. Отмечая такую особенность этого пособия, Л.И. Поливанов пишет о «грехе Ушинского, делающим и его „Детский мир“ не детским», «силящимся навязать специальный язык науки, и притом с заметным усердием одной науки», т. е. естествознания (см. *Поливанов 1876: 95, 98*).

Первое знакомство с детским миром

Открытие «Детского мира» в переносном и в прямом смысле начинается первым отделом книги, носящим название, вынесенное в данный подзаголовок. Дети оказываются на дороге в российскую школу. Этот путь призван открыть им постижение «самых простых предметов и малосложных явлений» (*Детский мир 2, I*). Посвященный школе первый рассказ и две басни из хрестоматии направлены на восприятие школы как цели и центра детского мира и на утверждение в школе порядка учения – без драк, упрямства и лени («Дети в роще», «Играющие собаки», «Два козлика»). Второй текст «Детского мира» посвящён мысленному осмотру школы, пониманию её внешнего и внутреннего вида, назначению и правилам использования каждой вещи из школьного инвентаря, правилам пребывания в школе, общения с её обитателями, видам работы учащихся на уроке, их взаи-

моотношениям с учителем, необходимости регулярного посещения школы. Четыре главы рассказа «Дети в училище» в своих названиях определяют главные идеи повествования: «Школа», «Товарищи и учитель», «Что делалось в классе», «Что потом делалось в классе и возвращение детей домой». Ученики показаны читающими текст из Священной истории, затем они письменно отвечают на вопросы, воспроизводят выученную дома басню, изучают Закон Божий, занимаются чистописанием. Трудовые недели сменяются воскресным весельем и наоборот.

Повествование идёт от имени двух братьев восьми и девяти лет, сыновей вдовы, имеющей в услужении кухарку. Эта кухарка, выполняя роль античного педагога, отводит детей в школу и забирает оттуда после уроков. «Хороший ученик... должен быть внимателен в классе, прилежно повторять уроки дома, а книги и тетради держать в чистоте и порядке <...> Учитель похвалил детей за внимание и сказал им, что если они всегда будут так же вести себя в классе...то скоро сделаются хорошими учениками <...> Ваня и Коля были мальчишки умные и скоро привыкли думать, что всякий хороший человек должен после труда отдохнуть, а после отдыха опять приняться за труд» (*Детский мир* I, 2–8).

Ушинский советует при работе с рассказом «Дети в училище» использовать наработки, рекомендованные Ф.А.В. Дистервегом (1790–1866) в его пособии «Обучение в детском саду, или Начатки наставления и обучения в народной

школе», вышедшем пятым изданием в 1852 г. и переведённым Константином Дмитриевичем как «Начатки детского школьного учения» (1-е изд. – 1861 г.). Методика дошкольного и самого раннего школьного обучения переносится целиком в русский класс, без оглядки на предшкольную подготовку. Ребёнок как бы приносит в школу чистую, по мнению Константина Дмитриевича, доску сознания, начиная осваивать «училище» вместе с учением.

Именно в школе стартует, согласно Ушинскому, умственная работа дитяти. «Прочное начало умственных, словесных и письменных наглядных упражнений» заключается в перечислении одинаковых предметов, окружающих ребёнка, их сравнении, знакомстве с названиями вещей, материалами, из которых они сделаны, и т. п. – то, что Дистервег полагал относящимся ещё к дошкольной деятельности детей, хотя и протекавшей в классной комнате «предшкольной школы», т. е. в старшей группе детского сада (*die Klein-Kinder-Schule* – дословно – «школе для маленьких детей», такое написание в источнике). Ушинский полагал важным дополнить чтение текста «Дети в училище» изучением окружающего детей реального пространства школы, а также чтением и рассказом басен, выучиванием стихотворений. Этот текст удержался в составе пособия во всех прижизненных изданиях, хотя, по идее, «Детский мир» был рассчитан на 3-й и 4-й год обучения, что особенно стало очевидно для практики с появлением в 1864 г. «Родного слова». Вероятно, ориентация книги

для чтения и на домашнее обучение детей в первые, по возрасту школьные, годы обусловила необходимость такого текста, обучающего тому, что есть школа, не с самого начала, как рекомендовал Дистервег. Данный текст не переместился в «Родное слово», остался в «Детском мире».

Времена детства

Следующую часть первого раздела первого тома «Детского мира» занимают четыре очерка о временах года. Традиция размещения данных тем в тематическом каноне начального чтения восходит к первым секулярным европейским учебникам эпохи Просвещения. Главки, разделы о временах года были популярны в немецкоязычных книгах для чтения первой половины XIX столетия (см. *Hermanuz, Schah 1843*)²⁰. Ушинский вполне на немецкий лад, но без отсылки к первоисточникам объясняет, что «перемены времён года прежде всех других явлений природы обращают на себя детское внимание» и описания их «приводят в некоторый порядок понятия и представления, уже существующие в детском уме» (*Детский мир I, XV*). Природа – наиболее удачный путь к уму и душе ребёнка, хороший повод «к весьма лёгким и вместе с тем весьма полезным умственным упраж-

²⁰ Сезоны природной жизни в европейской дидактике XVIII–XIX вв. ассоциировались именно с жизнью детей как наиболее близких природе человеческих существ и возрастов. Такое представление господствовало в детской литературе вообще (см. о Кrummhaeuser в этой главе).

нениям, при которых должны работать и память, и ум, и воображение, а вместе с тем затрагивается и самое чувство. Пробудить же в детях живое чувство природы – значит возбудить одно из самых благодетельных, воспитывающих душу влияний» (*Детский мир* 1, XV).

Воспитание через пробуждающееся в детях чувство природы – одна из замечательных педагогических утопий XIX в. Рассказы о временах года выстроены Ушинским как познавательные статьи, в которых излагаемые по возможности лёгким языком сведения перемежаются иногда обращёнными к читателю вопросами. Вот, к примеру, как строятся отрывки о птицах: «Зимою гораздо менее птиц в лесах... Многие птицы улетают на зиму в тёплые края, иногда за тысячи вёрст. Ласточки, грачи, дрозды, жаворонки, соловьи покидают нас ещё с осени. Дикае гуси, утки, лебеди ещё с осени тянутся по небу с севера на юг длинными вереницами. Они очень хорошо чувствуют, что чем южнее, тем теплее, и ищут таких стран, где не бывает зимы. (Знаете ли вы, какие это страны?) Таких птиц называют перелётными. Галки, вороны, сороки, тетерева, рябчики зимуют с нами и потому называются зимующими. Остаются также и воробьи в своих тёплых гнёздах... Весна... Птиц вместе с весною появляется множество. (Откуда они возвращаются к нам? Почему они улетают на зиму?) Первые прилетают грачи и криком своим напоминают, что весна началась. Они появляются почти всегда около 9 марта. Но вот и жаворонок, поднявшись высоко в воздух,

запел свою звучную песню. Быстрые, острокрылые ласточки прилетают несколько позже. Скворцы, дрозды, кулики, дикие голуби, кукушки появляются одни за другими и населяют поля, леса и рощи, недавно ещё безмолвные» и т. д. (*Детский мир* 1, 8–11).

В круг природы вписана и деятельность человека. По ощущению естественной связи этих тем или по образцу других, более ранних европейских пособий (полный круг знакомства Ушинского с которыми ещё предстоит выяснить) в первом и во втором издании «Детского мира» изрядное место уделено строению и возможностям человека²¹. Текст «О человеке», представляющий собой сильно расширенный вариант из пособия Е.О. Гугеля, завершает первый отдел первого тома данного учебника. Во втором издании он сильно сокращён, часть материала переведена в «Статьи по естественной истории», отдел третий второго тома пособия. Первый том учебника во втором издании даёт сведения о форме тела и названиях его частей, о телесных чувствах, внутренних и наружных органах, о скелете и костях, мускулах, кровеносных сосудах (жилах), способностях человека (дар слова, память, воображение, ум, «душевные внутренние чувства»: удовольствие, благодарность и т. д., совесть, воля, вера в Бога, желание стать лучше, т. е. умнее и добрее). Гимном человеку, наиболее лёгким из-за наглядности предмета, заканчивается

²¹ Рассмотрение строения, способностей и возможностей человека мы видим уже в немецких пособиях XVIII в. (Пискунов 1960: 99–100).

первый отдел. Начиная с шестого издания и далее раздел «О человеке» дополнится поэтическим описанием единства человеческого организма («Чудный домик»).

В итоге: становясь людьми, покидаем детство

Человек служит переходным объектом к изучению всех других природных созданий – животных, птиц, рыб, земноводных, пресмыкающихся, беспозвоночных, растений, неорганических тел. «Детский мир» становится для детей начальной ступенькой в познании природы, хотя к шестому изданию удельный вес естествознания сильно уменьшится за счёт географии, истории, художественных произведений. Темой человека завершается «первое знакомство с детским миром» – так называется рассмотренный нами раздел учебника. Наступают более детальные, «второе и последующие» знакомства с «детским миром» как содержанием того, что необходимо знать детям на третьем и четвёртом году обучения. Из собственно учебника тема детства и детского мира после первого отдела уходит. Даже разговоры отца с сыном в последнем отделе второго тома учебника, имеющим знаковое название «Первые уроки логики», уже не касаются тем детства. Оставленное в роще по дороге в школу детство продолжается преимущественно в пределах хрестоматии, где есть не только рассчитанный на детское восприя-

тие рассказ о том, как органы тела перессорились друг с другом, а потом помирились²², но и рассказы собственно о детях («Брат и сестра», «Любопытство») или о детях и взрослых («Персики», «Гуси», «Раскаяние», «Паук», «Грядка гвоздики»). Они присутствуют и в хрестоматии ко второй части «Детского мира»: «Овсяный кисель», «Утро на берегу океана», «Воспитание», «Истинно христианская жизнь» – но в самой второй части практически отсутствуют.

Детский мир в процессе обучения, «умственного упражнения и наглядного знакомства с предметами природы» постепенно затихает и благодаря педагогике становится образованным, мудрым и повзрослевшим. Пособие Ушинского играет в этом процессе роль своеобразного поводыря-мага, меняющего годы учёбы на знания мира. В дальнейшем Константин Дмитриевич несколько отходит от концепции пособия по чтению с незначительной долей художественных текстов. Усиление «литературности» его учебника сослужило добрую службу, выведя в круг лидеров среди учебников по начальному обучению словесности. Многочисленные переиздания красноречиво говорят об этом. Помимо «обладателя прекрасного языка» их автор впоследствии будет назван «глубоким знатоком детской природы» (см. Ганелин, Голант

²² «Чудный домик» и «Органы человеческого тела» – два текста на весь учебник, напрямую соединившие литературу и тему телесности. В аналогичные немецкоязычные пособия их включали гораздо больше, по-своему стремясь создать гармоничный баланс интеллектуального, духовного и морального воспитания. (См. Wander 1845: 146).

Литература

Архив К.Д. Ушинского: В 4 т. 1959–1962 / В. Я. Струминский, сост. и подгот. к печати М., 1960. Т. 2.

Батюкова З.И. Сравнительное постижение зарубежного педагогического опыта в отечественной педагогике (середине XIX – начало XX века) // Постигание педагогической культуры человечества: В 2 т. Т.1. Общие вопросы. Зарубежный педагогический опыт / Г.Б. Корнетов, ред. М., 2010. С. 192–197.

Богомазова О.В. 150-летний юбилей В. О. Ключевского в публикациях 1991 года и поиски новой культурной идентичности // Историк, текст, эпоха: тезисы IV Междунар. научно-практ. конференции Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории. Екатеринбург, 2012. С. 17–19.

Богомазова О.В. В. О. Ключевский: актуализация памяти об историке в коммеморативных практиках научного сообщества XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XXI века / Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина, Ю. В. Краснова, ред. Челябинск, 2011. С. 303–314.

Буслаев А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): ор-

ганизация, символика, восприятие обществом. М., 2010.

Ганелин Ш.И., Голант Е.Я. История педагогики. М., 1940.

Днепров Э.Д. Ушинский и современность. М., 2008.

Кабашева О.В. Учебные книги К. Д. Ушинского в российской науке и публицистике: библиографический указатель // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 2. С. 45–53.

Кузнецов А., Маслов А. Диктатура юбилеев: мемориальный бум как признак иной повседневности // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Г.А. Бордюгов, ред. М., 2013. С. 1425–1461.

Лихарева Т.А. К.Д. Ушинский – автор учебников по первоначальному обучению (анализ «Родного Слова» и «Детского мира»). Дис... канд. пед. наук. Киев, 1948. С. 316.

Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1988.

Об основных предметах первоначального образования // Опыты историко-филологических трудов Главного педагогического института. СПб., 1852. Вып. 6. С. 283–312.

Пискунов А.И. Очерки по истории прогрессивной немецкой педагогики конца XVIII – начала XIX века. М., 1960.

Поливанов Л.И. Руководство к преподаванию по «Родному слову». Часть 1 / К. Ушинский, сост. 12-е изд. СПб., 1875 // Учебно-воспитательная библиотека (Обзор русской педагогической литературы). Т. 1: Литература 1875 года. М., 1876. Отдел III.

Ромашина Е.Ю. Школьный учебник в России XVIII – начала XX века: теоретический и историко-педагогический анализ. Тула, 2011.

Сенькина А.А. Книги для чтения и хрестоматии для начального обучения, изданные в России с 1797 по 1917 гг. (материалы к библиографическому указателю) // Ребёнок XVIII–XX столетий в мире слов: история русского букваря, книги для чтения и учебной хрестоматии. М., 2009. С. 187–191.

Собрание сочинений К. Д. Ушинского: В 11 т. / В. Я. Струминский, сост. М., 1948–1952.

Ушинский К.Д.: Библиографический указатель трудов и литературы о жизни и деятельности К. Д. Ушинского (1848–1984). Сост. Е.П. Андреева и др. М., 1985.

Ушинский К.Д. Детский мир и хрестоматия. 2-е изд. Ч. 1 и 2. СПб., 1861.

Цимбаев К.Н. Православная Церковь и государственные юбилеи Императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42–51.

Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

Цимбаев К.Н. Гуманитарные технологии в юбилейных торжествах // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии / В. И. Тюпа, науч. ред. СПб., 2007. С.454–484.

Berger T. Kleine poetische Festgabe für die liebe Kinderwelt: Gedichte und Bilder. Magdeburg, 1839.

Berthelt A.; Jäkel J.; Petermann K.; Thomas L. Lebensbilder III. Lesebuch für Oberklassen deutscher Volksschulen. 12. Aufl. Leipzig-Berlin, 1858.

Claudius G.C. Kleine Erzählungen aus der Kinderwelt zur ersten Bildung des Verstandes und Herzens. Leipzig, 1805.

Denzel's Entwurf des Anschauungsunterrichts in katechetischer Gedankenfolge; praktisch ausgeführt von C. Wrage. Cursus 1. 7., verb. Aufl. Altona, 1853.

Die Kinderwelt, der Keim des späteren Lebens; oder Gallerie merkwürdiger Kinder und junger Leute, welche sich frühzeitig durch schöne und edle Handlungen, außerordentliche Kenntnisse, Fleiß, Witz, Güte, Muth auszeichneten und einst berühmte Menschen wurden: nebst wahren Kinder-Anekdoten, komischer Vorfälle, naiver und treffender Antworten, u.s.w.; ein interessantes Bilder- und Lesebuch zum Geschenke für die Jugend. Wien, 1818.

Die verbesserte Kinderzucht, ein Lustspiel in dreien Aufzügen, und die kleinen Himmelsstürmer, ein Singspiel in zweien Aufzügen, von der Schülern der ersten Rhetorik an dem katholischen Schulhause bey St.Salvator. Augsburg, 1797.

Glatz J. Die Kinderwelt in Bildern und Erzählungen für gute Knaben und Mädchen. Leipzig, [1809].

Harder F. Theoretisch-praktisches Handbuch für den Anschauungsunterricht: Mit besonderer Berücksichtigung des

Elementarunterrichts in den Realien. 2. Aufl. Altona, 1858.

Hermanuz R., Schah R.M. Lesebuch für Volksschulen. 2. Stufe. Sammlungspassen der Lesestücke für Kinder von 9 bis 12 Jahren. Karlsruhe: Braun, 1843.

Hoffmann von Fallersleben A.H. Die Kinderwelt in Liedern. Mainz, 1853.

Hughes E. Reading's Lessons. Book 1–4. London 1855–1858.

Kleine Kinderwelt oder neues Lesebuch zur ersten Bildung des gesunden Menschenverstandes... / [Verf.: George Carl Claudius]. Leipzig, 1801.

Kleine Kinderwelt oder neues Lesebuch zur ersten Bildung des gesunden Menschenverstandes. Für das Alter von 5 bis 8 Jahren. [Verf.: Claudius, G. C.] Leipzig, 1796.

Koerner F. Der Mensch und die Natur. Leipzig, 1853.

Köhnke M. C. Unterhaltungen aus dem Gebiete der Kinderwelt: eine Weihnachtsgabe für kleine wißbegierige Leser und Leserinnen. Altona [ca. 1834].

Lauckhard C.F. Orbis pictus. Bilderbuch zur Anschauung und Belehrung. [3 Bde.?] Leipzig, [1860?].

Mann R.J. Lessons in General Knowledge. London, 1856.

Raff G. C. Naturgeschichte für Kinder. / Hrsg. A.A. Berthold. 15. verb. Aufl. Göttingen, 1854.

Scherr I. T. Leichtfaßliches Handbuch der Pädagogik für Volksschullehrer, gebildete Eltern und Schulfreunde. 3 Bände. Zürich, 1839–1847.

Schmidt K. Gymnasial-Pädagogik: Die Naturgesetze der

Erziehung und des Unterrichts in humanistischen und realistischen gelerten Schulen. Köten, 1857.

Scholz C. Frühlingsblumen für die gebildete Jugend oder Erzählungen aus der Kinderwelt. Mainz, 1846.

Taubert, Wilhelm. Klänge aus der Kinderwelt. 7 Bde. Berlin, 1846–1853.

The Moral Class-Book. Edinburgh, 1847.

Thieme K.T. Erste Nahrung für den gesunden Menschenverschand. 10. Aufl / durchges. u. verb. von J. C. Dolz. Leipzig, 1840.

Wagner H. In die Natur! Biographien aus dem Naturleben für die Jugend und ihre Freunde. Erste Sammlung. Bielefeld, 1855.

Wander K.F.W. Jugendbibliothek für deutsche Prosa und Poesie: Reihe 2, Die deutsche Poesie: Cursus 1, Die poetische Kinderwelt. Gabe 1. 2., durchges. und berichtigte Aufl. Grimma, [1845].

Wilmsen F.P. Der deutsche Kinderfreund. Berlin, 1858.

Глава 2

Список двенадцати: иностранные источники «Детского мира» К.Д. Ушинского

К.Д. Ушинский ещё до своей командировки в Европу (1862–1867) строил свою работу над «Детским миром» (1861) как творческую переработку зарубежных изданий, публично отвергая изданное ранее его соотечественниками, предшественниками и современниками, как некачественное. В предисловии к первому изданию он упоминает 12 немецких и английских изданий (*Детский мир* I, XII), которыми пользовался, работая над «Детским миром», а также рекомендует учителям три немецких пособия²³ (два из кото-

²³ В «список 12» входят книги Хардера и Раффа. Первым рекомендуемым пособием выступает Harder F. Theoretisch-praktisches... Книга издавалась вплоть до 1891, когда вышло 10-е издание. Вторым указано 5-е издание многотомного курса Августа Любена (1804–1873): Lüben, August. Leitfaden zu einem methodischen Unterricht in der Naturgeschichte in Bürgerschulen, Realschulen, Gymnasien und Seminarien. Berlin: Schultze, 1854. В 1866 он выпустил аналогичный курс по географии, но это издание уже оказалось вне внимания Ушинского. И третьим немецким автором, оказавшим особенное влияние на подготовку «Детского мира», был Георг Кристиан Рафф (1748–1788), автор «Естественной истории для детей», с 1780-х многократно переиздававшейся (Ушинский пользовался изданием 1854 года: Raff G.C. Naturgeschichte...). Рафф также был автором аналогичного издания по географии, но оно не удостоилось рекомендации Ушинско-

рых входят в список двенадцати) и два издания наглядных картин²⁴.

В списке из двенадцати «тех немецких и английских книг, которыми я преимущественно пользовался при составлении „Детского мира“» (*Детский мир*, 1, XII), книги для начального чтения соседствуют с иллюстрированными учебниками об окружающем мире и пособиями по естествознанию. Реконструируем этот список, восстановив выходные данные всех указанных Ушинским изданий.

1. *Harder, Friedrich*. Theoretisch-praktisches Handbuch für den Anschauungsunterricht: Mit besonderer Berücksichtigung des Elementarunterrichts in den Realien. 2. Aufl. Altona: J.F. Hammerich, 1858. XXXII, 524 S. – «*Прекрасная книга, которой «Детский мир» многим обязан»* (*Детский мир* 1, XI).

2. *Denzel, Bernhard Gottlieb*. Entwurf des Anschauungsunterrichts in katechetischer Gedankenfolge;

го в качестве возможного расширения преподавания в дополнение к «Детскому миру».

²⁴ Во-первых, серию из четырёх пособий Bilder zum Anschauungs-Unterricht für die Jugend, которая многократно издавалась в Эсслинге под Штуттгартом с 1838 года по конец XIX века издательством Й.Ф. Шрайбера (J.F. Schreiber); по 1844 год издание выпускалось издательством Schreiber & Schill, именно так указывает издателя Ушинский; вероятно, в его распоряжении было 1-е, 2-е, 1840, либо 3-е изд., 4-е выпущено уже одним Шрайбером в 1860). Небольшие по объёму книги содержали цветные рисунки Д. Энглерта (D. Englert) с краткими сопроводительными описаниями по изучаемым в начальной школе темам – от школьной и домашней мебели и посуды до видов различных местностей и картин из библейской истории. Вторым пособием для наглядного обучения Ушинский советует приобрести атлас с рисунками всех трёх царств природы (Ruprecht... 1860).

praktischausgeführt von C. Wrage. Cursus 1 / Bernhard Gottlieb Denzel, C. Wrage. 7., verb. Aufl. Altona: bei Johann Friedrich Hammerich, 1853. X, 214 S.

3. *Lauckhard, Carl Friedrich* (1813–1876). *Orbis pictus. Bilderbuch zur Anschauung und Belehrung.* Leipzig: Ernst Julius Günther. Данное многотомное издание выходило много раз. Например, в 1860 г. опубликован пятый его вариант в 3 томах. Ушинский не указал года выпуска комплекта, который он использовал при подготовке своего пособия.

4. *Wilmsen, Friedrich Philipp* (1770–1831). *Der deutsche Kinderfreund.* 213 Aufl. Berlin, 1858. VI, 149 S. Эта книга для чтения использовалась в оригинальном варианте в петербургских гимназиях в 1840-е годы (См.: Пятидесятилетие, 1896: 36–37)²⁵.

5. *Berthelt, August; Jäkel, Julius; Petermann, Karl; Thomas, Louis.* *Lebensbilder III. Lesebuch für Oberklassen deutscher Volksschulen.* 12. Aufl. Leipzig-Berlin: Klinkhardt, 1858. 422 S.

6. *Raff, Georg Christian* (1748–1788). *Naturgeschichte für Kinder.* / Hrsg. A.A. Berthold. 15.verb. Aufl. Göttingen: Johann Christian Dieterich, 1854. X, 521 S. Первое издание вышло в

²⁵ Первое издание вышло в Берлине в 1802 году и было весьма популярным на протяжении, по крайней мере, полувека: *Der deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen.* Berlin, 1802. К этому изданию потом появилось продолжение: *Ein Lesebuch für höhere Bürgerschulen und die untern Classen der Gymnasien.* Berlin, 1810 (выходило также под заглавием: *Ausgewählte Lesestücke aus deutschen prosaischen Musterschriften; zum Behufe für Bürgerschulen und die untern Classen u. s. w.*).

1781 году. «Старинное, но очень хорошее сочинение» (о Раффе см. подробнее см. Ч. II, Гл. 2, 4, 5).

7. *Wagner, Herrmann*. In die Natur! Biographien aus dem Naturleben für die Jugend und ihre Freunde. Erste Sammlung. Bielefeld: Verlag von August Helmich, 1855. 141 S. Издание включало материалы по следующим разделам: *Natur, Pflanzen, Garten, Biologie; Chemie; Mathematik; Physik; Zoologie; Medizin; Humanmedizin; Tiermedizin; Veterinärmedizin; Geologie*.

8. *Koerner, Friedrich*. Der Mensch und die Natur. Leipzig: F.Brandstetter, 1853. 284 S.

9. *Mann, Robert James*. Lessons in General Knowledge. London, 1856. XI, 368 p.

10. *Hughes, Edward* (1819–1859). Reading's Lessons. London: Longman Brown Green & Longmans. First Book. 1855. 446 p. Second Book. 1855. VIII, 431 p. Third Book. 1856. VIII, 430 p. Fourth Book. 1858. VIII, 454 p. Объявленная в серии пятая книга не вышла. О первом и/или втором томе Ушинский писал: «Превосходная книга, которую я желал бы передать русской публике вполне».

11. The Moral Class-Book. Edinburgh: William and Robert Chambers, 1847. X, 168 p. (Chamber's Educational Course – edited by W. and R. Chambers).

12. *Thieme, Karl Traugott* (1745–1802). Erste Nahrung für den gesunden Menschenverschtand. 10.Aufl / durchges. u. verb. von Johann Christian Dolz. Leipzig, 1840. XIV, 178 S.

Книги Хардера и Раффа Ушинский рекомендует для дополнения преподавания вместе с «русскими сочинениями: ботаникой г. Даля, зоологией г. Симашко, химией г. Штекгарда, физикой г. Ленца и естественной историей г. Горизонтова» (*Детский мир*, 1, XI) (*Даль* 1849; *Симашко* 1854; *Штекгардт* 1849, пер. с 9-го изд. 1859; *Ленц* 1842, 1851, 1859; *Горизонтов* 1859)²⁶. Характерно, что указывая использованные при составлении «Детского мира» книги для чтения, содержавшие сюжетные художественные, катехетические, морально-этические рассказы, поэтические тексты, К.Д. Ушинский в то же время не рекомендует их для расширения и более глубокого использования, полагая, вероятно, что он при составлении «Детского мира» эту сторону немецких и английских пособий уже учёл с максимальной отдачей.

Предпочтение «научных учебников» определялось и самой направленностью «Детского мира» – предложить ребёнку научные сведения из тех областей знания, которые Ушинский полагал наиболее доступными учителю для изложения, ученикам для прочтения и понимания (при том изложенными хорошим стилем, а потому захватывающими восприятие ребёнка).

²⁶ За исключением Даля, подготовившего учебник для «воспитанников военно-учебных заведений», и Горизонтова, разработавшего пособие для «женских учебных заведений», книги остальных авторов имели статус учебников для гимназий. Ушинский никак не упоминает книги для чтения Е.О. Гугеля, П.П. Максимовича, А.Е. Разина и др.

Книги для чтения на русском языке, подготовленные учителями и современниками, не рассматривались составителем «Детского мира» как достойные упоминания, даже если они также содержали лишь познавательные материалы (А.Е. Разин и др.). Ушинский счёл необходимым указать в перечне использованных оригинальное издание книги для чтения «Der deutsche Kinderfreund» Ф.Ф. Вильмсена, но не указал ни «Чтений для умственного развития малолетних детей и обогащение их познаниями» его предшественника по Гатчинскому сиротскому дому Е.О. Гугеля (1804–1842), изданных в 1832 году и переиздававшихся по 1855 г., ни «Друга детей» П.П. Максимовича (1796–1888), изданного в 1839 г. и затем переиздававшегося в двух разных версиях по 1875 (краткая) и 1882 гг. (полная).

Гугель и Максимович открыто заявляли в предисловиях к своим пособиям, что те являются переводом и переработкой «Немецкого друга детей» Вильмсена, того самого, применение которого в работе над «Детским миром» объявил и Ушинский. Максимович активно использовал сюжетные рассказы, Гугель держался просветительского направления, не привлекал художественные произведения (*подробнее см.: Сенькина 2010*). Третьим трансформатором Вильмсена до Ушинского был А.А. Чумиков (1819–1902), издавший в 1847 г. учебник «Первоначальное чтение». Он использовал пособие Вильмсена, но без указания на это. К.Д. Ушинский

оставляет без комментариев и это пособие, предшествовавшее его собственному. Вряд ли причиной такого молчания было то, что Ушинский опирался на более новое, 1858-го года, переиздание «Немецкого друга детей», тогда как Гугель, Чумиков и Максимович работали с изданиями начала XIX в. и 1830 – 1840-х годов (Максимович указывает, что использовал переиздания 1838, 1841 и 1846 годов; 1-е немецкое издание появилось в 1802 г.). Причина, вероятно, в ином, и её ещё предстоит обнаружить.

Возможно, сказалось нежелание рекламировать конкурентов, как в случае с книгами для чтения И.И. Паульсона (1825–1898), которые издавались с 1860 года и первоначально получили более высокую оценку министерских методистов, чем пособие Ушинского. По-видимому, между ними существовало методическое и содержательное несогласие, о чём Ушинский без упоминания имён пишет в начале предисловия, говоря о чрезмерной лёгкости от «сказок и побасенок» или, наоборот, перегруженности пособий заимствованиями из наук и незнакомых ребёнку сфер жизни, о бессвязности и случайности присутствия в них качественных материалов, «доступных десятилетнему ученику». Также можно предположить, что часть высказанных в предисловии «Детского мира» (1-е изд.) претензий к иным пособиям на самом деле многими авторами того времени была уже учтена, и Ушинскому было не с руки упоминать конкретные российские издания, качество которых читатель мог бы прове-

ритель сам. Возможно, определённую роль сыграло и то, что Ушинский из указанных им иностранных изданий опирался по большей части, как он сам утверждает, лишь на книги Фридриха Хардера и Эдварда Хьюса.

На фронтисписе издания Хьюса изображены четыре малютки, занятые весьма серьёзными учебно-учёными делами. Один сосредоточенно пишет, сидя рядом с глобусом и положив пюпитр для письма на толстенный том. Другой, обложившись инструментами, завершает работу на скульптурным бюстом молодой женщины. Двое других «путти XIX века» заняты чтением в окружении орудий различных наук и ремёсел: в т. ч. подзорной трубы, электрогенератора для гальванизации, паровой машины. В 1830-х – 1850-х гг. данные технические приспособления были на слуху у всей образованной европейской публики и потому стали некими символами хорошего, современного, востребованного, полезного, всеобщего (широкого, для многих), глубокого и успешного образования. Эти изображения, вероятно, в большей степени, нежели символика улыбок и собирателей мудрой учёности пчёл на титуле у Вильмсена, отвечали позитивистской направленности дидактико-педагогического замысла Ушинского, полагавшего, вероятно, что идущая от Вильмсена предыдущая российская традиция мало чего стоит. Содержание пособий Хьюса и Хардера, деливших изложение по различным познавательным сферам, отвечало такой направленности дидактической мысли К.Д. Ушинского

конца 1850-х гг.

В четырёхтомнике Хьюса темы, присутствовавшие в каждом или в некоторых томах, задавали горизонт мышления человека начала позитивистской научной эры. Во все тома пособия Хьюса включены такие темы: человек, его разум, физическая география, геология, жизнь растений, зоология, этнология, история человеческих изобретений, научная биография (образцы: Уотт, Франклин, Челлини), экономика, химия, механика, ремёсла, производства, природные процессы вкупе с их развитием («естественная история»), астрономия, изобразительные искусства и как их понимать, музыка, литература, поэзия, этимология; в некоторых: пища, посуда, языки, философия природы, электричество и магнетизм, телеграф, современная фортификация и осада, метеорология, кораблевождение. Каждую тему раскрывал отдельный автор.

В отличие от Хьюса и Хардера, Вильмсен познавательную функцию книги видел подчинённой морально-воспитательной, опиравшейся на логику, этику и стилистику художественной литературы. Поэтому в двух частях книги Вильмсена 1830-х гг. издания мы видим такие разделы, как: «Короткие положения для возбуждения бдительности и размышления», «Рассказы, служащие к развитию благих чувствований и к изощрению рассудка», и лишь потом «О Вселенной», «О земле и жителях её», «Творения земли», «О человеке», «О сохранении здоровья», «О времясчислении

и календаре», «Замечательные природные явления», «Европа», «Германия», «О правах и обязанностях жителей в обустроенных государствах», «Романсы и песни», «Пословицы и изречения» (в первой); «Описания природы и земель», «Басни», «Рассказы», «Письма», «Диалоги», «Пьесы», «Эклоги», «Исторические повествования», «Рассказы о природе», «Описания характеров и биографии», «Поучения, сентенции, размышления», «Эссе», «Беседы, речи» (во второй).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.